

Из рассказов о берестяных грамотах

13 февраля 2015 года

А. А. Зализняк: Я на этот раз расскажу вам кое-что про берестяные грамоты, но это не будет общая лекция, касающаяся всех основных сторон этих грамот. Я исхожу из того, что вы немножко, наверное, слышали, что такое берестяные грамоты и почему это бывает интересно. По ним, вообще говоря, можно проводить самые разные лекции, и не одну, а целую серию. И вот из этой серии и будет сегодняшняя лекция — после небольшого введения, где я чуть-чуть познакомлю вас с тем, что минимально нужно знать, чтобы к берестяным грамотам подходить все-таки как ко сколько-то понятным документам.

Я хочу вам показать ряд иллюстраций на тему о том, как нам приходится биться с трудностями понимания берестяных грамот. Показать вам несколько случаев, когда история понимания таких документов оказывалась непростой и иногда затягивалась на год, на три, а в одном случае — на двадцать пять лет. И вы увидите, чем примерно занимаемся мы, филологи, когда имеем дело с этими документами и пытаемся довести их до ясного знания.

Сейчас перед вами просто заставка — приятная картинка Новгорода, чтобы вас включить в атмосферу.

А вот так выглядит раскоп — один из наших хороших раскопов.

Если кто-то из вас уже участвовал в раскопках или еще поучаствует, то увидит примерно такое зрелище. Видите, это огромное количество построек — в данном случае на территории довольно большого раскопа открыт XII век.

А это пример берестяной грамоты после того, как ее нашли и помыли. Потому что если ее совсем не мыть, то буквы почти не были бы видны — все-таки она вынута из земли. В данном случае это такой двойной рулон, хотя чаще бывает просто одиночный рулон — береста естественным образом свертывается в такие рулончики. Это идеальный случай, поскольку вы сразу видите, что буквы видны. И совершенно ясно, что чтобы прочесть текст, нужно грамоту развернуть.

Разворачивание — это особая операция. Следующая картинка.

Эту же грамоту вы видите сразу же после того, как ее развернули.

Вот пальцы людей, которые ее придерживают, на ней еще не высохшие капли воды. Это очень хорошая грамота, сохранившаяся целиком, на которой текст виден даже издалека. Далеко не всегда это бывает так хорошо видно, но какое-то количество таких замечательных образцов у нас имеется.

Следующая картинка примерно показывает вам, что происходит с только что найденной грамотой. Это Валентин Лаврентьевич Янин, начальник экспедиции, который склонился над грамотой, и все остальные участники экспедиции в разных позах заинтересованности: что кому достанется увидеть. Текст был написан, допустим, 900 лет назад, и вот 900 лет лежал нечитанный. Наступает момент его чтения. А как это чтение происходит — легко или трудно, — это мы сейчас увидим по другим примерам.

Теперь маленькое введение, без которого я не смогу показывать вам грамоты. Нужно знать, что в берестяных грамотах представлена некоторая несколько необычная система письма, к которой мы тоже привыкли не сразу, но которую теперь хорошо знаем. Она состоит в том, что в берестяных грамотах вместо *o* можно встретить твердый знак — любую из этих двух букв можно встретить одну вместо другой. И точно так же буквы *e* и мягкий знак могут встретиться одна вместо другой, свободно варьируя. Это было разрешено в так называемой бытовой системе письма, которая в берестяных грамотах как раз чаще всего и используется. И знать ее совершенно обязательно для того, чтобы правильно понимать тексты берестяных грамот.

<i>Книжное письмо</i>	<i>Бытовое письмо</i>
МОРЕ	МОРЕ МЪРЕ МОРЬ МЪРЬ
БѢЛЫИ	БѢЛЫИ БЕЛЫИ БЪЛЫИ

Вот вы видите слово *море*: в классическом книжном письме оно должно быть записано так же, как и сейчас: *м, о, р, е*. А в бытовом письме имеется четыре возможности. Вместо *о* может быть написан *ер*, то есть *ь*, вместо *е* — *ь*, и даже обе буквы могут быть заменены. И получится такое вот ужасное написание *мърь*! Кажется, что невозможно его прочесть. А на самом деле это один из законных способов записать то же самое слово *море*.

Второе правило касалось того, что буква *ять*, которая в книжном письме употреблялась очень строго, в бытовом письме могла заменяться на букву *е* и на букву *ь*. Это тоже было в рамках законных написаний, и при чтении грамот к этому нужно относиться спокойно.

Вам, конечно, эти буквенные замены сперва будут непривычны в текстах, которые вы увидите, но это, повторяю, обязательно нужно знать и учитывать, иначе тексты грамот будут во многом непонятны. Пока эти замены не были выявлены как некое систематическое свойство грамот, довольно много грамот было прочитано ошибочно. Так что это серьезная вещь.

Теперь перед вами еще одна важная таблица.

<i>Наддиалектное древнерусское</i>	<i>Древне- новгородское</i>
ГОРОДЪ, ИВАНЪ	ГОРОДЕ, ИВАНЕ
ВИНОВАТЪ, САМЪ	ВИНОВАТЕ, САМЕ
БЫЛЪ, ПРОДАЛЪ	БЫЛЕ, ПРОДАЛЕ
у сестры	у сестрѣ
моѣ коровы	моѣ коровѣ
ИВАНЪ ВЕДЕТЬ	ИВАНЕ ВЕДЕ
ПОСАДНИКЪ МОЛВИТЬ	ПОСАДНИКЕ МОЛВИ

Она касается другого предварительного знания, которое необходимо для того, чтобы иметь дело с берестяными грамотами. Здесь речь идет не о буквах, а об окончаниях склонения и спряжения. Я не буду обсуждать с вами всю таблицу; мне важно, чтобы вы увидели первую графу, а в ней то, что называется «наддиалектное древнерусское». Из этой графы видно, что в древнерусских книгах именительный падеж единственного числа (где сейчас нулевое окончание) писался с твердым знаком.

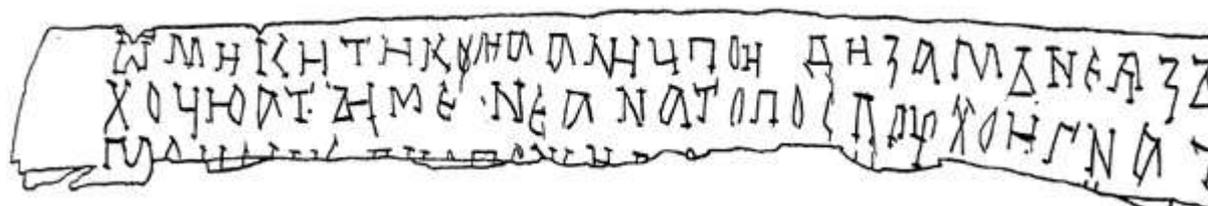
Например, *городъ*, *Иванъ* произносилось с небольшой «ы-образной» гласной. Это была классическая книжная форма центрального диалекта древнерусского языка. А в Новгороде, в новгородском диалекте, на месте этого ъ в конце было *e*. Например, *городъ* был *городе*, *Иванъ* был *Иване*. И точно так же в прилагательных: не *виновать*, а *виновате*, не *самъ* (местоимение), а *саме*. То же в прошедшем времени глагола: не *быль*, а *быле*, не *продаль*, а *продале*. Остальные строки можете пока не смотреть — это нам особенно не понадобится, а первая быстро понадобится.

Вот вам два предварительных знания, которые потребуются для того, чтобы грамоты были для вас доступны. Нам предстоит посмотреть несколько грамот и попробовать проследить за тем, как мы пробивались через непонятности.

Это фотография грамоты, но совершенно ясно, что пытаться прочесть текст при таком воспроизведении вы не сможете, поэтому в таких случаях, а, впрочем, и во всех других случаях, мы пользуемся тем, что называется «прорись». Это рисунок, исполненный опытным художником, который воспроизводит все черточки, принадлежащие руке человека, и не воспроизводит разного рода трещины и пятна, которые мешают восприятию текста.

Вот прорись этой же грамоты, где уже черным на белом фоне вы видите буквы текста.

Так уже гораздо легче, можно начинать что-то с этим делать.

Это грамота № 377 (напомню, что сейчас последний номер — это 1063, так что 377-я — это уже довольно давно). Обращаю ваше внимание на то,

что здесь нет разделения на слова. Чаще всего эта трудность довольно легко преодолевается, однако бывают случаи, когда от этого много чего зависит тоже. Мы еще с этим немножко столкнемся.

Пожалуйста, следующий кадр.

Грамота № 377 (последняя треть XIII в.)

Ѡ Микити к Оулиадниц. Поиди за мьне: азъ тьбе
хоцю, а ты мене. А на то послухо Игнато

...

Это та самая грамота № 377, последней трети XIII века, которую вы видели только что в виде фотографии и в виде прориси. Грамота замечательна по содержанию, хотя долго восхищаться ее содержанием мы с вами не будем. Но все-таки мимо этого мы не пройдем, когда увидим, что здесь написано.

Сперва обращение от некоторого Микиты, то есть Никиты. Дальше идет женское имя, о котором мы будем говорить еще отдельно. В общем, это письмо от некоего юноши к девице. И что он ей пишет? *Поиди за мьне*. Разумеется, это означает «выйди за меня замуж». Уже очень впечатляюще, потому что в нашем представлении было, конечно, так, что никто никогда прямо к девушке не обращался, а шел к родителям просить разрешения, засылать сватов и так далее. И вот документ, который показывает, что люди были так же вольны, как и в наше время, ничего особенно не изменилось. Тринадцатый век!

Вот он пишет просто: «пойди за меня». И следует объяснение: *язъ тьбе хоцю, а ты мене* «я тебя хочу, а ты меня». *А на то послухо Игнать*, дальше видно отчество — *Моисеевъ*. Послух — это свидетель, чего именно свидетель — мы не знаем, поскольку грамота оборвана, она дошла до нас неполной. Скорее всего, он тот человек, который сообщил Миките, что девушка согласна. Поэтому Микита имел возможность написать не только

«я хочу тебя», но и «ты меня». Как видите, содержание само по себе замечательное. Но эта часть, которую я сейчас вам перевел, больших проблем для нас не составила.

Обращаю ваше внимание на замены букв, о которых я говорил: слово *мъне* написано через мягкий знак, но это в действительности *мене*; *тъбе* тоже написано через мягкий знак. *Послухъ* «свидетель» написано как *послоухо*, то есть вместо ера (твердого знака) на конце написано *о*. Это типичное бытовое письмо, в точности соответствующее той общей схеме, которая вам была показана.

Теперь вернемся назад к прориси. *Микити* — не буду уж комментировать, почему это имя отличается от нынешнего Никиты, но так было по-новгородски. *От Микити к...* К кому?

А вот это в самом деле оказалось для нас чрезвычайной проблемой. Проблемой, которая затянулась на много-много лет. Совершенно ясно по тексту, что это должно быть женское имя. А вот какое имя?

Вот оно перед вами в виде прориси. Что здесь написано? Это буква *а*, это буква *а*, это буква *н*, тут всё ясно. А вот между *к* и *а* такая довольно узкая зона, где, вообще говоря, могла бы уместиться одна буква... Когда эта грамота была найдена, в этой зоне было усмотрено *о*, на которое посажено *у*.

Маленькое пояснение для тех, кто пока с этим не сталкивался: в древнерусском языке звук [у] записывался двумя буквами: *оу*, по греческому образцу. Значительно позже стали писать простое *у*, которое мы сейчас с вами употребляем. Если принять, что в нашей грамоте эти буквы наехали друг на друга, то можно считать, что здесь написано *оу*. Дальше идет что-то странное, но если принять, что первое — это *л*, а второе — это *и*, у которого левый ствол слился с правым стволом от *л*, то это будет такая лигатура, то есть слитное написание *ли*.

Такова была самая первая попытка прочесть имя девицы, к которой обращено это брачное предложение. Получилось: *оу, л, и*. Дальше почему-то, правда, два *а* подряд: *оулиаа*. Дальше как будто бы *ниц*: *оулиааниц*.

Здесь надо вам сказать, что опыт занятий с берестяными грамотами постоянно показывает: если полагать, что писец где-то ошибся, то с высокой вероятностью через некоторое время выяснится, что это мы ошиблись, а не писец. Чего-то мы не знали, чего-то не поняли и интерпретировали ошибочно. Это было уже столько раз, что теперь мы чрезвычайно осторожно относимся к гипотезе о том, что в тексте имеется ошибка писца. Конечно, иногда ошибки бывают — писцы люди, как и мы все. Но ошибок в берестяных грамотах нисколько не больше, чем в хороших пергаменных книгах, то есть это бывает очень редко. Есть масса грамот, в которых нет ни одной ошибки с точки зрения той системы, в которой они написаны. И, вообще говоря, считать, что здесь случайно написано два *а* вместо одного, — это уже слабое место в интерпретации. Это уже что-то, заставляющее думать, что, может быть, мы здесь неправы.

Теперь вернемся еще раз к картинке, чтобы вы увидели, почему это чтение *оулиааниц* вызывает разные сомнения даже помимо этого двойного *а*. Смотрите. Четыре буквы — *о, у, л, и* — посажены так, что они занимают место практически для одной или полутора букв, не больше. Уже это очень подозрительно. Посмотрите на ритм остальных букв — он совершенно ровный. В остальных местах нет ничего похожего на такого рода сжатие букв и тем более их склеивание друг с другом. Вот например, *оу* в слове *послоухо*: *о* и *у* — совершенно четко. Буква *у*, кстати, очень изящная, с таким особым изгибом — на *у* в *оулиааниц* совершенно не похоже. В общем, возникает сильное подозрение, что здесь что-то не так. И это уже два подозрения: четыре буквы занимают место, нормальное для одной буквы, плюс два *а* вместо одного. А кроме того, у слова *оулиааниц* странным образом нет окончания: должно было быть окончание *-?* или *-е*.

Три странности в одном месте. И при этом ни одной странности в остальных частях грамоты — в остальных местах всё совершенно четко. Это верное указание на то, что здесь мы чего-то не поняли.

Это замечательный принцип, который много раз подтверждался на разных грамотах: если у вас грамота читается хорошо во всех местах, кроме одного, а в этом одном сразу две или три неправильности с точки зрения вашего чтения, то скорее всего, даже просто наверняка, вы просто неверно прочли это место. А верным будет то чтение — если, конечно, вы его найдете — при котором сразу все три неправильности устранятся, окажутся несуществующими. И у нас не раз бывали именно такие поучительные случаи, так что это уже стало принципом нашей работы. Очень важным принципом, потому что он заставляет нас быть в высшей степени строгими к нашим оценкам и не позволять себе вольностей вроде: «Ну, здесь не хватает одной буквы — пренебрежем». Нельзя пренебрегать. Надо обязательно искать причину, и только если исчерпаны решительно все возможности интерпретации и никакой другой возможности нет, кроме как признать ошибку писца, можно с этим согласиться.

На протяжении долгих лет занятий с грамотами этот принцип нам очень много дал и позволил наконец утверждать, что теперь мы понимаем грамоты на порядок лучше, чем раньше.

Так что же делать с этой Ульяницей?

Надо сказать, что Ульяница процветала лет двадцать. Она до того вжилась в новгородскую жизнь, что устраивались представления из новгородской жизни, где роль Ульяницы исполняла студентка, удостоившаяся этой почетной роли в нашем капустнике. Она выступала, как и положено Ульянице XIII века, с соответствующими речами, и это уже стало таким эпизодом из новгородской жизни, который не выкинешь. При том что в XIII-то веке никакой Ульяницы не было, а Ульяница возникла за счет вот этих трех натяжек при чтении...

Из зала: Как подпоручик Кижее...

А. А. Зализняк: Да, да, вот с такими подпоручиками мы имеем дело время от времени непременно.

А дальше произошло следующее.

Лет через двадцать после находки грамоты одна молодая коллега из нашей группы филологов, мучаясь над неправильностью Ульяницы, стала снова работать с этой грамотой. И она нашла другое решение.

На картинке видно, в чем оно состояло: всё, что написано между буквой *к* и первой буквой *а*, было истолковано как штрихи зачеркивания. Действительно, вы видите, что это может быть так, то есть, возможно, в зоне между буквами *к* и *а* писец пытался что-то написать, а потом зачеркнул.

Это уже довольно реалистическое решение, поскольку мы знаем случаи, когда писец подобными штришочками зачеркивал буквы, которые написал неправильно. Приняв эту версию, исследовательница получила текст *к а а н и*. И тогда получилось новое разложение на слова.

Ў Микити **ка** **Ан[и]**. Поиди за мене: азъ тебе
хоцю, а ты мене. А на то послоухо Игнато
Мо[исиевъ. а во] жи... (| ...)

Ка вместо *ко* может быть и не опиской, а некоторым особым явлением; не буду вам сейчас о нем говорить, скажу лишь, что такое в принципе возможно для новгородской фонетики. И тогда остается только имя девушки — *ани*. Действительно, имя *Анна* могло писаться с одним *н*, так что это вполне нормально. Несколько слабое место, правда, в этом *ка* вместо *ко*, поскольку это было всё-таки очень редкостное явление, почти не подтвержденное другими текстами.

Итак, наша Ульяница исчезла, превратившись в Анну. И сколько-то лет еще жила Анна.

Антон Носков (10 класс): А что это за *ц*? Это *ч*?

А. А. Зализняк: Да, эта буква, которая сейчас выглядит как *ч*, — это древнерусское *ц*. Буква *ч* писалась в виде так называемой чаши.

Заметьте: сейчас вы имеете дело с прорисью. А фотографию мы с вами не изучали. Но прорись — это дело рук человеческих, художник мог чего-то не видеть, и в данном случае мы действительно с этим столкнемся. Так что, вообще говоря, решающим источником для нас является только подлинник. К нему приходится прибегать снова и снова; история этой грамоты именно так и выглядит.

Для оценки чтения *ка ани* важно также то, что конец здесь записан не совсем надежно. То есть и это решение тоже обладало неполной достоверностью — во-первых, из-за *ка*, во-вторых, потому что конец читается ненадежно.

Тем не менее эта новгородская девица XIII века еще немалое время жила под именем Анна. Правда, ее больше уже не изображали в капустниках, память об Ульянице еще существовала. И вот, казалось бы, невозможно было уже больше ничего с этой историей сделать.

Вы можете сказать: «Ну, какая нам разница, в конце концов? Замечательно, что документ XIII века свидетельствует об удивительной вещи, что такое письмо могло быть написано от молодого человека к девице. Ну, не знаем точно, как ее звали, что из того?». Верно, конечно; но, тем не менее, это важный принципиальный вопрос: мы все-таки прочли это письмо целиком или придумали в нем что-то? Так что борьба за то, чтобы точно узнать имя какой-то девушки XIII века, как бы эта борьба ни казалась странной и излишней, — продолжалась.

И вот совсем недавно была сделана новая фотография этой грамоты со всеми достижениями нынешнего фотографического дела. И она, в частности, позволила снова вернуться к вопросу о том, что это была за Ульяница и что за Анна. И мы сейчас с вами на эту фотографию посмотрим.

Вот это место в сильном увеличении. Здесь уместился только отрезок от буквы *к* до буквы *п* из слова *поиди*.

Даже и здесь видно не очень хорошо, но всё же *к* вы видите, первое *а* видите, второе *а* видите, *н* (латинского типа) видите. Соединительная черта справа от *н* оказалась природного происхождения, это трещина, так что для нас ее нет. Следующая буква начинается просто с вертикального штриха. А следующая буква, та, которую мы обсуждали, все-таки оказалась не *ц*! Ее левый ствол опускается ниже. Это буква, которая сейчас выглядит как *н*, а в древности это было *и*. А вот эта простая палочка — это тоже *и* (латинского типа), то есть *і*, так называемое «*и* десятиричное». Таким образом, после *н* стоят две буквы: *і и*. Вот что удалось прочесть на современной фотографии. Никакого *ц*, оказывается, здесь нет, имя кончается на *-ниі*.

Но самое трудное, конечно, — *к* и эти два *а*. Между ними именно та труднейшая зона, где, может быть, что-то зачеркнуто, а может быть, что-то не удалось разглядеть. Я не предлагаю вам сразу же разгадать, что же здесь написано, но пока что немножко вас к этому подведу. Здесь все-таки, конечно, буква.

Из зала: А не зачеркивание?

А. А. Зализняк: А не зачеркивание.

Теперь вторая подсказка. Почему такое сложное нагромождение штрихов, которое гораздо более насыщено, чем одна буква? А это одна буква, написанная поверх другой, то есть вместо другой. И осталось только понять, какие две буквы сели друг на друга. Можете попробовать. Одна буква видна очень хорошо, но просто вы ее плохо знаете. Вот я ее проведу пальцем.

Из зала: Омега?

А. А. Зализняк: Теперь, когда я ее показал, я думаю, вы ее видите, эту омегу. А вот на чем сидит омега? Попробуйте увидеть, на чем сидит омега.

Из зала: Эм?

А. А. Зализняк: Замечательно! Правильно! Она сидит на букве *м*. Вот буква *м*, вот ее плечо, вот ее второе плечо. *М* всегда было буквой очень широкой, по сравнению с каким-нибудь *ч* она могла быть полуторного размера. Поскольку она состоит из двух частей, она занимает много места. Теперь, когда вы это знаете, вы можете легко увидеть и омегу, и *м*.

Значит, либо омега села на *м*, либо *м* село на омегу. Это уже отдельный вопрос, который трудно решить. Но важно прежде всего то, что они наложены друг на друга.

Откуда могла взяться омега? Омега читается как *о*; если человек пишет к кому-то, то он вполне мог начать с *ко*. Затем, как это бывает, он мог передумать. Тогда, получается, что вторая из наложенных друг на друга букв — *м* — это настоящее начало имени. И уже мы можем прочесть: *маании*. Можно представить себе, что это Маня. Но было ли имя Маня в XIII веке? Да, было, это очень старое образование, подобное таким, как Саня, Таня, Дуня, Гриня, Груня и так далее. Это мы знаем, так что это не препятствие.

Всё хорошо, но зачем два *а*?

И. Б. Иткин: Ну и вообще-то два *и*.

А. А. Зализняк: Совершенно верно, правильно. Мане не нужно было бы два *и*, вы совершенно правы.

И. Б. Иткин: А то длинная Маня получается.

А. А. Зализняк: Верно. Два *а*, два *и*. То есть если это Маня — что, вообще говоря, годилось бы, — то она удвоена в *а* и удвоена в *и*, причем и то, и другое непонятно почему.

И вот теперь я вас приглашаю напрямч свои молодые глаза и посмотреть очень внимательно, что происходит в надстрочном пространстве над двумя *а*.

Из зала: Одна подскакивает?

А. А. Зализняк: Нет, сами *а* нормальные. В надстрочном пространстве над двумя *а*.

Из зала: Там две палочки.

И. Б. Иткин: Да по смыслу понятно!

Из зала: Там вставляют еще одну букву?

А. А. Зализняк: Если это буква, то какая?

Из зала: Л? Л... Л...

А. А. Зализняк: *Маланіи!* Без единой ошибки! Он действительно пропустил букву *л*, но надписал ее! Буква *л* в грамоте ровно так и пишется. Вот буква *а*, вот *л* — ее правая часть видна хорошо, левая только просматривается.

Это решение, обладающее тем свойством, о котором я вам говорил: при нем — нет ни одного пункта придирки. Написано *маланіи*.

Два *и* оправданны, верно? Два *а* оправданны: одно *ма*, другое *ла*. Автор, конечно, мог букву пропустить, но здесь он это заметил и букву вставил. Мы уже знаем, что так иногда бывает в берестяных грамотах. Вставил он слабенько, поэтому сперва никто не заметил этого надстрочного *л*.

̅̅ Микити к Ма^лани. Поиди за мене: азъ тебе
хоцю, а ты мене. А на то послоухо Игнато
Мо[исинѣвъ. а во] жи... (| ...)

Это *аа* жило много лет: грамота найдена в 1963 году, а решение с Маланией относится к 2014 году — прошло полвека! И теперь уже, по-видимому, не сдвинется, поскольку наконец найдено такое, в котором нет ни одной натяжки.

Из зала: Зачем же он *ω* поверх *м* или *м* поверх *ω* написал?

А. А. Зализняк: Почему он не отступил?

Действительно, почему? А ему нужно было *ω* уничтожить, оно здесь не нужно. В сочетании к *Малани* буква *ω* не нужна. *Кω* (= *ко*) могло бы быть, например, перед именем, начинающимся с какого-нибудь сочетания согласных. Конечно, он мог сперва зачеркнуть *ω* и написать *м* рядом. Такое решение в грамотах бывает, а бывает и так, что писец пишет правильную букву поверх неправильной. Подобных случаев у нас достаточно.

Александр Иткин (9 класс): А почему в одном имени две ошибки, а во всем остальном тексте ни одной?

А. А. Зализняк: Ну, он их исправил. И учтите, что он делал брачное предложение.

(Хохот в зале.)

А. А. Зализняк: Всё, с этой грамотой всё.

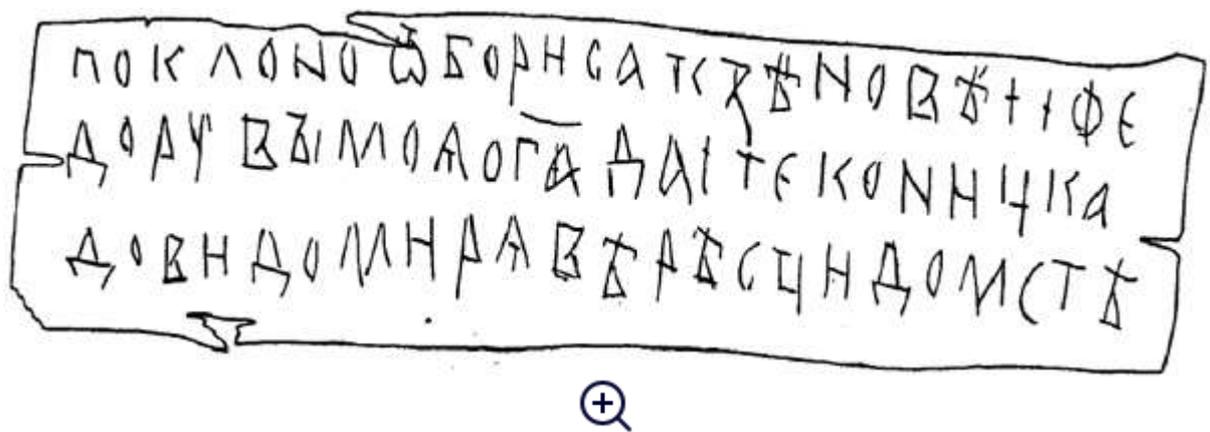
Это первая иллюстрация, которой я хотел показать, как приходится иногда бороться с одной-двумя буквами. В данном случае вы скажете, что не бог весть что от этого изменилось: мы узнали всего лишь более точно, как звали неизвестную до сих пор для нас девушку XIII века. Мы не знаем, что она ответила, не знаем, как дальше развивались события. Не знаю, может быть среди нас сидит какой-нибудь потомок ее... Этого нельзя исключить. Но имя ее мы теперь знаем.

Всё, следующее.

Это следующая грамота, покрупнее. Это уже не тринадцатый век, а четырнадцатый.

Кстати, XIV век отличается очень хорошими почерками. Вообще говоря, вы даже могли бы прочесть эту грамоту по фотографии. Немножко трудно, но возможно. Но я всё же не буду вас затруднять этим так основательно, будем смотреть прорись.

Поклоно... Ну, что *поклоно*, а не *поклонъ*, вас уже не должно удивлять — это замена твердого знака на *о*. Та самая бытовая система, о которой вы уже знаете. От кого поклон? От Бориса. К кому?

Из зала: К Антону?

А. А. Зализняк: Нет, первая буква после *к* все-таки *з*. Вы должны *з* опознать. После *з* — *ять*. Читайте его как *е*. Что вы прочли?

Из зала: Зиновью?

А. А. Зализняк: К Зиновью, да. Сейчас Зиновий — имя не очень частое, но вполне возможное. К Зиновью, а дальше?

Из зала: К Федору.

А. А. Зализняк: И к Федору, совершенно правильно. «Поклон от Бориса к Зиновью и Федору». Читайте дальше.

Из зала: Вы моя.

А. А. Зализняк: Остановимся. Вы моя — совершенно точно. Что вы видите дальше после *вы моя*?

Из зала: ...гада.

А. А. Зализняк: ... *гада*, это неплохо... Давайте так. Три буквы после *вы моя* мы пока оставим в покое, потому что это трудно, и прочтем дальше.

Из зала: ...дайте... коницка...

А. А. Зализняк: В Новгороде *ц* и *ч* свободно заменяют друг друга — это так называемое «цоканье». Если написано *коницка*, то можете читать *коничка*. *Дайте коничка* — это вы понимаете? А дальше что написано?

Из зала: До видо...

А. А. Зализняк: Я могу вам помочь. «Дайте коничка» до определенного места. Как это место называлось? До Видомиря, совершенно верно. Видимирское озеро есть и сейчас, есть и село на берегу этого Видимирского озера.

Дальше пропустите отрезок длиной в 6 букв, и вот последнее.

Из зала: ... до мсте.

А. А. Зализняк: ... *до мстѣ*, замечательно. Что это такое, по-вашему?

Из зала: До монастыря? Месть? До мести?

А. А. Зализняк: А получше? Если сказано до Видомиря и до чего-то еще, то это тоже название.

Из зала: До места? До Мсты!

А. А. Зализняк: Ну конечно: до Мсты. По-новгородски родительный падеж будет не на *-ы*, а на *ять*, поэтому будет не *до Мсты*, а *до Мстѣ*. Здесь совершенно правильно написано *до Мстѣ*, так что, видите, вам приходится использовать также и знания о новгородской морфологии.

Следующая картинка.

Грамота № 579 (3 четверть XIV в.)

Поклоно ѿ Бориса к Зѣновѣ і Феѣ
дору. Вы моя **ога**, дайте коницка
до Видомира **вѣръ(-)ци** до Мстѣ.

Два места я оставил непрочитанными. Вот они выделены синим. Два слова, из которых каждое составляет лингвистическую задачу отличной категории. Эти задачи решались-таки долго. Одна задача была — это *ога*, другая задача — это *вѣръци* (внутри *вѣръци* есть еще какой-то штришок, но едва ли это буква, и мы для простоты будем считать, что написано *вѣръци*).

Вот эти два слова я и буду с вами рассматривать.

Что же такое *ога*? Это не просто *ога*: над *ога* стоит титло. Титло — знак того, что здесь какое-то сокращение. Причем известно, что обычно сокращения с помощью титла делались над словами церковного или возвышенного смысла. Главным образом над самыми, так сказать, священными понятиями.

Из зала: Может быть, Бога ?

А. А. Зализняк: Для Бога нету *б*. Первая буква должна сохраниться при любом сокращении. Ищите что-то, что должно начинаться или на *о*, или на *г*.

Из зала: Господа?

А. А. Зализняк: *Господа*, конечно! *Га* — это сокращение от *господа*. Другое дело, что сейчас слово *господа* устроено иначе, чем в древности. Сейчас *господа* — это множественное число от *господин*. А в древности *господа* — это было слово единственного числа женского рода; например, говорили не *мои господа*, а *моя господа*, не *с моими господами*, а *с моею господою*.

Но главная трудность в том, что перед *га* стоит еще *о*, роль которого неясна. Это *о* до тех пор было загадочным, пока не встретилась такого же типа запись в берестяной грамоте, где стояла цифра 8, а перед ней еще «лишнее» *о*. Тогда стало ясно, что перед нами прием написания, совершенно аналогичный, скажем, таким записям, как *2-й*, *10-е*, которые нас с вами нисколько не удивляют. Мы читаем *2-й* как *второй*, *10-е* как *десятое*. Ведь, вообще говоря, написания *2* и *10* — это иероглифы. В этом и свойство иероглифа, что он не зависит от языка: для англичанина, для француза, для араба — он значит одно и то же. Другое дело, что они по-разному это произносят. А написание *2-й*, *10-е* — в помощь нам. В грамотах встречаются и вот такие написания: *10ть*. Понятно, что это *десять*.

Нам даже в голову не приходит задаться вопросом: а почему таким способом обозначается только конец? Но то же самое вполне можно представить и для начала слова. А то, что *восемь* было раньше *осемь*, — это прекрасно известно. Даже у Пушкина встречаем — *осьмнадцать лет*. В этом слове *в* — это такое народное *в*, которое прилипло к слову поздно, а раньше было *осемь*, как в других славянских языках. И *о* перед восьмеркой на письме — то самое *о*, которое начинает слово *осемь*.

Слова *господинь*, *господа* в древнерусском языке имели варианты без начального *г*: *осподинь*, *оспода*. В нашей грамоте записано то, что звучало как *вы моя оспода*. И буква *о* перед *га* показывает, что слово начиналось с *о*, то есть это было именно *оспода*.

Поэтому, например, содержащаяся в словаре Срезневского статья *огосподинь* должна быть снята: в действительности в виде *огнь* (с титлом) было записано слово *осподинь*. Вообще при

расшифровке сокращений под титлом в современных изданиях, к сожалению, могут быть ошибки. Берестяные грамоты в некоторых случаях помогают их исправить.

Итак, с *ога* — первым неясным словом — мы покончили. Остается второе: *въръци*.

Из зала: Вернуться...

А. А. Зализняк: Ну, это же какая дистанция от *въръци* до *вернуться*! Это же вам надо четыре буквы подставить! Я вам внушаю, что даже одна буква всегда является предметом для лингвистического исследования. А вы целых четыре буквы вставляете. Это чистая вольность.

И. Б. Иткин: Нельзя ли хотя бы рассмотреть версию, что это *ч*, а не *ц*?

А. А. Зализняк: Конечно! Пожалуйста, вы можете спокойно считать, что *ц* и *ч* — это одна буква, это в вашей воле.

Из зала: А почему два *до*? Почему не *от Видомира ... до Мстѣ*, а *до Видомира ... до Мстѣ*?

А. А. Зализняк: Правильно. Совершенно верно. Автор грамоты спрашивает разрешения взять коня, на котором можно доехать до Видомира. Ясно, что это важное указание. Если он хочет коня на 800 километров — ему не дадут коня, а до Видомира, это не очень далеко, — дадут. И каким-то образом и до Мсты, но какая именно связь между Видомиром и Мстой — мы не знаем.

Из зала: А какая географическая связь? Как они расположены друг по отношению к другу?

А. А. Зализняк: Близко. Видимирское озеро находится недалеко от Мсты.

Из зала: А *въръци/въръчи* — это инфинитив?

А. А. Зализняк: Очень может быть. Вы правильно попали в первую версию, которая была и у нас. Был такой инфинитив. Это тот же корень, что в современном *отвергнуть*, *извергнуть* и так далее, — корень *верг-*. То есть *вѣръци* (= *веречи*) — это древний инфинитив со значением «бросить». Но уж очень плохо по смыслу: «дайте коничка до Видомиря бросить до Мсты». По синтаксису — не так уж плохо, но по смыслу — плохо.

И. Б. Иткин: Я не знаю... Вы даете слово?

А. А. Зализняк: Думаю, что Вам — не следует давать.

И. Б. Иткин: Я не знаю, действительно.

А. А. Зализняк: Ну, не конкурируйте всё-таки со своими учениками.

Из зала: Может быть, там какой-то населенный пункт, который начинается на *вѣри* или на *вѣръ*? Может быть, вокруг Видимирского озера и Мсты есть какие-то населенные пункты с таким названием.

А. А. Зализняк: И тогда какой синтаксис? Допустим, есть такой пункт, который так называется.

Из зала: Ну, до Видомиря, потом еще до чего-то, потом до Мсты.

А. А. Зализняк: Тогда третье *до* должно быть совершенно обязательно.

Из зала: Может быть, тогда «до Видомиря-озера»?

А. А. Зализняк: Озера? Прекрасно! Тогда Вам нужно представить, что была какая-нибудь *веречь*, которая означала «озеро». Всё сходится. Осталось только слово *веречь* поискать где-нибудь, но, увы...

Из зала: Может быть, это что-то типа «в реке»?

А. А. Зализняк: Так, «в реке». Посмотрим, что за идея. В этом случае *въ* вместо *в* или *в* здесь немножко плохо, но, допустим, мы пойдем не такой шаг и будем считать, что здесь одна буква написана неаккуратно. Ну, и что тогда получается? «...коня до Видомиря в реке»?

Из зала: А есть ведь слово *веверица*?

А. А. Зализняк: *Въверица* — да, действительно, такое слово есть, очень красивое слово. Оно означает, во-первых, белку, во-вторых, деньги.

Из зала: Коня до Видомиря, а белку до Мсты.

(Смех в зале.)

А. А. Зализняк: Заметьте: первый контроль — синтаксис. Если синтаксис не проходит — что это за версия... Второй контроль — смысл. Кроме того, в данном случае Вы же себе позволили вставить лишние две буквы. Это, к сожалению, непростительно.

Из зала: А как же версия о том, что это инфинитив?

А. А. Зализняк: Да, мы начали разбирать с инфинитива, но народная инициатива была такая могучая, что...

Из зала: Это могло быть «воротить»?

А. А. Зализняк: *Бросить* в значении «воротить»? Ну, очень далеко. *Веречи* означает именно «бросить»; значение очень устойчивое. Как вы подгоните «дайте коничка до Видомиря бросить до Мсты» под наш контекст? Конечно, может так быть, что мы встречаем слово в совершенно неожиданном значении. Но, как вы понимаете, это можно признать только в том случае, если все остальное великолепно сошлось. В данном случае это далеко не так.

И. Б. Иткин: Может, это все-таки глагол *верить*?

А. А. Зализняк: *Верить?* И что за форма?

И. Б. Иткин: А можно все-таки?

А. А. Зализняк: Еще пока нельзя!

Из зала: А может, это сложное название города? Видомир-веречи?

А. А. Зализняк: Ну, это примерно то же самое, что с озером. Ни то, ни другое в словарях решительно не находится. Конечно, мы занимались этим, искали какую-нибудь *веречь* как название места. И тогда Ваша версия синтаксически прошла бы. Правда, всё-таки с той трудностью, что *до Видомира* — это форма мужского рода, а слово *веречь* — скорее всего женского. Но главное — нет никаких следов ни озера такого, ни города.

Из зала: А может быть, дело как раз в той букве, которая там то ли есть, то ли нет?

А. А. Зализняк: У нас мало времени, поэтому, к сожалению, я должен вам попросту сказать: забудьте про эту как бы букву — это все-таки обломок.

Из зала: Получается, что человек просит коня до какого-то населенного пункта, но также добавляет, что он просит его до Мсты. Но получается, что река, возможно, преграждает путь, и он не собирается переправляться через реку на коне, а хочет оставить коня, бросить его...

А. А. Зализняк: Так если он коня бросит, никто его ему не даст. Ну, Вы же понимаете, очень нереалистическая вещь, чтобы можно было так коня бросать.

Из зала: А *рѣци* — не может быть «говорить» — *речи*?

А. А. Зализняк: Но тогда с *въ* Вам нужно что-то сделать. Всё предложение должно быть осмысленно. А просто идея, что это похоже на

какое-то слово, — это только первый шаг из десяти, которые нужно сделать. Нужно, чтобы это легло во фразу, чтобы фраза держалась.

Ну, хорошо... Помогу вам одним шагом. Почему вы так уверены, что это одно слово?

Из зала: А может быть, есть какой-то населенный пункт с названием *Рѣц*: в *Рѣц* и до *Мстѣ*.

А. А. Зализняк: Хорошее название. Подходит для Верхней Италии (*смех в зале*), где отсекаются конечные части слов... Для славянского мира, увы, нет. Места по имени Рец — не было. А что Вы делаете с *и*?

Из зала: Нет, «до Видомиря в Рец», а потом «и до Мсты».

А. А. Зализняк: Ну, это возможно. Вместо *и* может быть просто бессоюзное соединение. С этим я уже соглашался, это уже предлагали.

Из зала: А не может ли *ци*, если возможна замена *ц/ч*, — быть вариантом *чи*, вроде украинского и польского *чи*, то есть «или»?

А. А. Зализняк: Абсолютно может быть и даже им является. Очень хорошо, что мы продвинулись, а то я уже боялся... Да, правильно, *чи* — это «или». Правда, задача, нельзя сказать, чтобы очень сильно облегчилась.

Из зала: А что такое *вери*? Может, это вор какой-нибудь?

А. А. Зализняк: Вор... Вы опять играете с гласными незаконным образом. К тому же *воръ* был бы записан через твердый знак.

Ну, дальше, к сожалению, шансов у вас нет, потому что здесь всё упирается уже не просто в игру с русским языком, а в знание древнерусских реалий. И одно обстоятельство, которое мы из опыта

чтения грамот знаем, вам пока что, очевидно, незнакомо. Это то, что в бытовой письменности...

Из зала: Двойные согласные?

А. А. Зализняк: ...двойные согласные — совершенно правильно! — могли записываться одиночными. Скажем, *вв* могло реально писаться как одно *в*; *нн* могло писаться как одно *н*; *сс* могло писаться как одно *с*. Удвоение согласных на письме разрешалось не показывать. И это, конечно, главный ключ.

Тогда получается выражение *в вѣрѣ*. Это древнерусский термин, который давно вышел из употребления, и вы не обязаны его знать.

И. Б. Иткин: «Под честное слово».

А. А. Зализняк: Да, примерно так. *Вѣра* — древнерусский термин, и одно из значений этого слова — клятва, клятвенное обещание, верное слово, честное слово. То есть здесь говорится: «дайте мне под честное слово».

Из зала: А почему это так расположено: между Видомирем и Мстой?

И. Б. Иткин: Как раз понятно: сначала он написал до Видомиря, а потом подумал: «А может, лучше до Мсты?».

А. А. Зализняк: Порядок слов здесь действительно такой, что до Мсты добавлено. Это чистое добавление, после того как фраза уже по смыслу закончена.

Потом мы встретили в другой грамоте это же выражение, *в вѣрѣ*, написанное уже с двумя *в*, и тогда это полностью подтвердилось. Больше того, это выражение нашлось и в книжных древнерусских текстах.

Всё, смотрим следующее.

Перед вами замечательная грамота. Посмотрите, какой почерк отличный. Тоже XIV век. Теперь прорись.

Давайте прочитаем вместе: «От Жилы (родоначальника всех будущих Жилиных) к Чудину. Дай Ондргю рубль. Не даш ли, что мне ни доспге в рубль томъ нечяти, то твоя. От Жилъ к Савгъ. Даи... [пол]тин[у]».

Грамота № 589
(середина 20-х – 50-е гг. XIV в.)

Ѡ Жилъ к Юдину. Дди Ѡ
ндрѣю рубль. Не даш ли,
что мнѣ ни доспѣе в ру=
блѣ томъ нечяти, то
твоя. Ѡ Жилѣ к Савѣ. Дди
----- [пол]тин[у] ... (| ...)

Ну, *доспѣе* — слово, которого вы не знаете. Глагол *доспеть* сейчас встречается только в говорах, он означает что-то вроде «устроить, заставить». Так что смысл примерно такой: «Если не дашь, то что мне ни заставит [Ондрей] в рубле том» (или «за рубль тот»), дальше загадочное слово *нечяти*, «то твоя».

Из зала: А запятая там авторская?

А. А. Зализняк: Нет. Запятая — моя, там никаких запятых нет; это в помощь вам. Точно так же, как и заглавные буквы. Это всё в помощь вам для более легкого понимания.

Что же такое *нечяти*?

Из зала: *Яти* — «братъ»?

А. А. Зализняк: *Яти* — «братъ», совершенно верно. И возникает версия, что здесь все-таки не одно, а два слова, и второе слово *яти* «братъ» (древнее ударение *яти́*, но это сейчас не важно). Нечи взять. Примем это в качестве первой гипотезы. «Если ты не дашь, то что он ни заставит меня

взять нечи, то твоя». Твоя — это к чему относится? Должно быть какое-то слово женского рода.

Из зала: К нечи.

А. А. Зализняк: В какой грамматической форме?

Из зала: Именительный? винительный?

А. А. Зализняк: И много вы знаете таких случаев на *и*?

Из зала: Родительный падеж.

А. А. Зализняк: Родительный, конечно.

Из зала: И что такое *нечь*?

А. А. Зализняк: Вот сейчас Вы нашли совершенно правильно! Если считать, что была какая-то *нечь* женского рода, склоняться она будет: *нечь* — *нечи*, как какое-нибудь *ночь* — *ночи*.

Из зала: Может быть, *нечь* — это мелочь?

А. А. Зализняк: Такого значения «мелочь» нет, но оно сюда, в общем, подошло бы. Хорошо уже то, что вы на правильном пути.

Из зала: Может, это должно быть что-то по поводу вины?

А. А. Зализняк: Очень хорошо! *Нечь* — это какое-то загадочное понятие из этой примерно области.

К сожалению, у нас мало времени, поэтому мне приходится вам помогать. Но вы очень здорово работаете, и можно было бы еще вас поупражнять — вы бы вообще до всего дошли.

Итак, мы предположили, что была какая-то *нечь*, которая значила что-то типа вины. Родительный падеж у нее — *нечи*. Но нет такого слова в словарях. Ничего не поделаешь — ни в словарях, ни в других источниках слова *нечь* нет. Такого простого, «дешевого» ответа нет. Значит, что-то мы не полностью знаем.

Из зала: А если *не* — это отрицательная частица, а вторая часть *чаять*?

А. А. Зализняк: *Чаяти*? Ну, *а*-то никуда бы не делось.

Из зала: А может, это *не* — отдельно, *ч* — отдельно, *яти* — отдельно. Как в прошлый раз...

А. А. Зализняк: Очень может быть.

Из зала: А может, *нечи* — это нечисть, нечистый.

А. А. Зализняк: Молодец, очень хорошо!

Из зала: Это типа проклятия такого?

А. А. Зализняк: Замечательно! Видите, мы с вами сделали нужные ходы. Помните, что только что было со словом *вѣръ*?

Из зала: Удваивалась согласная.

А. А. Зализняк: Правильно! *Нечи* должно было быть написано через два *ч* — *неччи*. А два *ч*, то есть такое усиленное *ч*, могло произойти из разных других сочетаний. Одно такое возможное сочетание — это *тч*, другое возможное сочетание — это *чт*. Примеры такие есть. Итак, это могло быть *нетчи*, а могло быть — *нечти*.

А *нечти* это вот что. Дело в том, что слово *честь* в родительном падеже по-древнерусски — *чти*. Первоначально было *чсти*, а затем упростилось до *чти*. Так что наше слово — это *нечесть*, чуть-чуть только Вы не

попали: не *нечисть*, а *нечесть*. Не от *чистого/нечистого*, а от слова *честь*. Прекрасное слово *нечесть* есть в древнерусских текстах. Оно до сих пор сохранилось, например, в чешском: *nečest* (родительный падеж — *necti*). Сейчас, спустя столько столетий. *Нечесть* — это, конечно, слово, противоположное чести. Тогда все переводится замечательно: «Если не дашь мне рубль, то сколько ни заставит [Ондрей] меня получить этого позора [этой нечести] — это твой [позор]». Угроза состоит в том, что «если не отдашь вовремя, то весь позор, который из-за этого должен пасть на меня, он будет — твой». Красиво.

Из зала: А почему в первом куске написано *От Жилы*, а во втором — *От Жиль*?

А. А. Зализняк: Ну, просто поздравляю Вас! Радуете мое сердце этим вопросом. Совершенно замечательно! И раз есть такой замечательный вопрос, то я отвлекусь и поясню.

От Жилы — родительный падеж с обычным окончанием *-ы*, к которому мы все привыкли. Но этот же Жила может про себя в этом же письме написать *от Жиль* — через ять. Разница в том, что *-ы* — центральное русское окончание, а *-ль* — новгородское. То же самое, что у нас было в *до Мсть*.

Из зала: То есть это *-ы* он пишет кому-то за границу, за пределы Великого Новгорода? А это *-ль* — какому-то своему соседу?

А. А. Зализняк: Неплохая идея... Но на самом деле... *от Жилы* он написал, стараясь быть ответственным, написал литературно, не так, как он сам говорит, а так, как надо хорошо говорить. А дальше, в конце письма, он эту установку не выдержал и написал попросту, как он всегда говорит. Вообще-то, они знали, как надо писать хорошо, и знали, что они говорят на диалекте. И вот этот человек начинал писать так, чтобы было, так сказать, «культурно». Таких примеров у нас много, когда вначале текст идет с общерусскими окончаниями, а потом с какого-то момента — оп! — попадают новгородские окончания. Перед нами именно такой случай.

Очень хорошо.

Существует, правда, версия, которая чуть-чуть уменьшает красоту этой грамоты: что *нечесть* надо понимать не просто как абстрактный позор, а что она имела денежное выражение (то есть это был некоторый штраф, штраф за бесчестье). В таком случае письмо приобретает несколько менее литературный характер, но тем не менее все-таки очень изысканный.

Всё. Идем дальше.

Теперь одна из самых старых грамот, которыми мы располагаем. Самая вероятная ее датировка — 1030-е гг. Есть две самых старых грамоты нашего нынешнего фонда. Их номера — № 246 и № 247, то есть найдены они были очень давно. И у меня как раз есть план показать вам сначала № 246, а потом № 247.

Итак, № 246. Смотрим прорись, и затем сразу текст:

0 1 2 3 4 5 см

«От Жировита къ Стоанови. Како ты оу мене и чьстьное дрѣво възьмь и вевериць ми не присълеши, то деватое лето. А не присълеши ми полоу паты гривьны, а хоцоу ти выроути въ та лоуцьшаго новъгорожанина. Посъли же добръмь».

Грамота № 246

(сер. 20-х – сер. 90-х гг. [предпочт. до сер. 50-х] XI в.)

Ѡ Жировита къ Стоанови. Како ты оу мене
и чьстьное дрѣво възьмь и вевериць ми не
присълеши, то деватое лето. А не присълеши
ми полоу паты гривьны, а хоцоу ти **выроути**
въ та лоуцьшаго новъгорожанина. Посъли же
добръмь.

Честное древо — это крест. Имеется в виду, что он взял крест в руки, то есть поклялся на кресте. «Поклялся мне, а денег не присылаешь, и то — девятый год».

Из зала: Долго терпел...

А. А. Зализняк: Долго терпел. Вам осталось только спросить, почему *гривьны*, а не *гривньѣ*. А я вам отвечу, хотя вы и не спросили. Потому что это письмо не новгородское и написано не на новгородском диалекте, а пришло, по всей вероятности, из Полоцка. А на полоцком диалекте будет *-ы*, а не *-ѣ*.

«От Жировита к Стояну. С тех пор, как ты поклялся мне на кресте и не присылаешь мне денег, идет девятый год. Если же не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то я собираюсь **выроути** в тебя (за тебя?) знатнейшего новгородца. Пришли же добром».

Из зала: А что значит *полоу паты*?

А. А. Зализняк: Что значит *полоу паты*... Очень хорошо! Вы просто вынимаете у меня слова изо рта. *Полоу паты гривьны* — это значит четыре с половиной гривны. Четыре с половиной гривны — это пол пятой гривны, точно так же, как, когда четыре с половиной часа, мы называем это «пол пятого».

Лучшего новгорожанина (= новгородца) — то есть самого знатного.

Из зала: *Выроути* значит «натравлю»?

А. А. Зализняк: *Выроути* — это одно из частых наших приключений, когда мы встречаем слово, которого не было еще ни в одном тексте. Первое чтение было, прямо надо сказать, не очень удачное. Немножко похожее на кое-что из тех решений, которые вы мне сейчас выкрикивали. А именно, есть глагол *рюти*, который значит «реветь». (*Смех в зале.*) Иногда он пишется не через *рю*, а через *ру*. «Если ты не пришлешь мне четыре с половиной гривны — то мне «выреветь» тебя такого замечательного новгородца». Предположительный смысл — наорать, накричать. В общем, довольно бессмысленно.

Из зала: А может быть, *выручи* — «выручить» тогда?

А. А. Зализняк: Интересно, за что же его выручать, если он себя так плохо ведет?

Из зала: Может, «за это я выручу лучшего новгородца»?

А. А. Зализняк: Странно! Он же деньги хочет назад получить. Он явно должен какую-то угрозу сформулировать: если ты не заплатишь, то я сделаю что-то такое вредное для тебя.

(*Реплики из зала.*)

А. А. Зализняк: Вот видите, сколько у вас гипотез! На самом деле это очень похоже на то, что говорят, как только найдут грамоту. Вы в этом смысле получаете живое представление: такие же выкрики бывают, как ваши. Иногда что-то выкристаллизовывается, а иногда ждет годами. Вот это «вырветь» держалось больше 20 лет — грамота была найдена в 1956 году.

Из зала: А может, это два отдельных: *вы* и *рюти*?

А. А. Зализняк: И что тогда?

Из зала: И *вы* — это местоимение.

А. А. Зализняк: Да зачем местоимение? Просто приставка, конечно. «Хочу что-то сделать» — понятно, что это инфинитив. Так — по синтаксису, тут никуда не денешься. Хочу произвести действие, которое называется *выроути*.

Ну, что делать! Шансов догадаться у вас нет, потому что у вас нет соответствующего фонда текстов. Опять-таки, у меня нет времени дожидаться, пока вы сами до этого дойдете. Если бы у нас было больше времени...

Из зала: Вы в нас сомневаетесь?

А. А. Зализняк: ...то вы дошли бы. Но... приходится перескакивать.

Из договора тверского великого князя Михаила Ярославича с Новгородом (1316 г.):

А князю великомуу Михаилу не наводити на Новъгородъ, ни бояромъ его ни про что же, ни гостя **роути** в соуждальской земли нигдѣ же.

Оказалось, что глагол *рути* был в текстах — не берестяных, а в совершенно традиционных текстах. Он был в древнерусской княжеской грамоте XIV века, грамоте Михаила Тверского, много раз издававшейся и хорошо известной. Это договор тверского князя с Новгородом 1316 года:

«А князю великомуу Михаилу не наводити на Новъгородъ, ни бояромъ его ни про что же, ни гостя роути в соуждальской земли нигде же».

Наводить — это наводить бандитским наводом. Речь идет о том, что в уже древности называлось наездом, это слово не было придумано только вчера, как вы, вероятно, думаете. Великий князь Михаил Тверской обязуется этим договором ни по какой причине не наводить своих грабительских отрядов на Новгород.

Из зала: Гость — это купец?

А. А. Зализняк: Гость — это купец.

Из зала: Грабить?

А. А. Зализняк: Первое значение, конечно, «грабить». Все хорошо с «грабить», кроме того, что это же межгосударственный договор,

в котором сказать, что ваш государь обязывается не грабить кого-нибудь, — есть фантастическая дерзость.

Из зала: Не облагать налогом?

А. А. Зализняк: Может быть. Это уже другое.

Из зала: Пошлины какие-нибудь?

А. А. Зализняк: Пошлины какие-нибудь... Правильно, мысль ваша идет в совершенно правильном направлении. Другое дело, что издатели, видя глагол, которого нет больше нигде, приняли самое простое решение — что тут пропущен слог и имелось в виду — *рубити*. Вы, конечно, спросите, что значит: гостя рубити? Имеется в виду, конечно, не на мелкие части...

Из зала: Но это странно, что писец князя делает ошибку...

А. А. Зализняк: Писцы, конечно, иногда делали ошибки. Но в данном случае писец никакой ошибки не сделал, как мы узнали, когда нашли 246-ю грамоту. Здесь всё совпадает — буква в букву. Только у нас слово с приставкой, но ясно же, что это одно и то же.

Значит, в обоих случаях речь явно идет о некотором отрицательном действии, весьма неприятном для гостя (то есть купца). Неприятное действие обещает и наш Жировит, если тот ему не заплатит. Логично.

Дальнейшее исследование документов, связанных с этой темой, показывает, что есть слово *рубежь* (оно писалось с мягким знаком). Но *рубежь* — это же «граница», что же тут особенного? В самом деле, в значении «граница» это слово тоже употреблялось. Но отдельно оно есть и в совершенно другом значении — это некоторое неприятное для купцов действие, которое может быть над ними произведено.

Из зала: Конфискация? Конфискация товара?

А. А. Зализняк: Правильно! В общем, правильно. Речь идет о некотором имущественном отъятии.

Из зала: А суждальская — это суздальская земля?

А. А. Зализняк: Суздаль был Суждаль. Это потом стало Суздаль. Если у вас Суждаль написан через *ж* — значит, перед вами древний документ.

Из зала: Гостя конфисковать в суждальской земле?

А. А. Зализняк: Ну, не самого гостя, конечно, а имущество. Чуть-чуть изменим — и будет понятно: «мы вас подвергнем конфискации». Тогда уже смысл совершенно ясен.

Короче говоря, при внимательном анализе всех текстов, где встречается слово *рубешь* (если отбросить те, где оно обозначает границу, как сейчас), оказалось, что оно обозначает некоторое карательное действие, которое состоит в том, что у купца отбирают его товар. Причем, как выясняется из некоторых текстов, — купец может быть и не виноват. И, наконец, обнаруживаются тексты, в которых прямо сказано следующее: «Наш купец такой-то у вас в городе должен был получить с вашего гражданина столько-то долга и долга не получил. Так если вы ему возврат этого долга не обеспечите, мы здесь, у себя, отберем у вашего купца столько, сколько тот должен».

Из текстов ясно, что это была распространенная практика. Не заплатил тебе иногородний купец — из этого города есть кто-нибудь здесь? — схватить его и отобрать у него товара на необходимую сумму. Причем это уже делал князь, княжеская власть. Не просто какой-нибудь сосед с кулаками, а полиция, так сказать, княжеская приходила, считая, что она совершает совершенно правильное финансовое действие. Правда, правильность эта всё время отрицалась в межгосударственных договорах, пример которого был перед вами, и говорилось: «а рубежа не учинять». Но замечательно, что формула «а рубежа не учинять», под которой ставили подписи и тот князь, и этот князь, повторяется в договорах в течение

примерно четырехсот лет. Из чего можно заключить, в какой степени это правило соблюдалось.

Так что тем самым наша грамота становится понятной. *Вырути* — совершенный вид от глагола *рути*, как *высечь* от *сечь*. Причем, заметьте, это *вы-* — очень характерное. Оказывается, что в русском языке и в древности, и до сих пор приставка *вы-* имеет сильную тягу к тому, чтобы выражать карательные действия: *я высеку* (кого-нибудь), *я выдеру*, *я выругаю* и так далее. В этом ряду стояло и *вырути*.

Таким образом, текст означает: «Если ты не отдашь четырех с половиной гривен, то я за тебя подвергну конфискации знатнейшего новгородца». Это серьезная угроза.

Из зала: На соответствующую сумму?

А. А. Зализняк: Ровно так. Аккуратно на эту сумму. Цены все были известны. Они были устойчивы в течение нескольких столетий. И четыре с половиной гривны — это была очень большая сумма.

С этим всё. Теперь перед нами 247-я грамота.

246-я и 247-я грамоты — это самые древние берестяные документы с письменным текстом. 246-я сохранилась в целости, от 247-й сохранились средние строчки.

Переходим к печатному тексту. Вот первая строчка из сохранившихся. Здесь она для вас написана без словоделения. Опытные люди уже смогут с этим справиться.

А ЗАМЪКЕ КЪЛЕА ДВЪРИ КЪЛЪА ГОСПОДАРЬ...

Из зала: Я вижу *господарь*.

А. А. Зализняк: *Господарь*. Совершенно правильно!

Из зала: Двери и замок.

А. А. Зализняк: Хорошо! А почему *замъке* кончается на *е* — помните? Это новгородское окончание. Вне Новгорода было бы *замокъ*, а с новгородским окончанием — *замъке*. Вы узнали слово *замъке*, вы узнали слово *двери*, вы узнали слово *господарь*. Еще что видно?

Из зала: *Къле*.

А. А. Зализняк: *Къле*. Хорошо. Следующая картинка.

А ЗАМЪКЕ КЪЛЕА, ДВЪРИ КЪЛЪА, ГОСПОДАРЬ...

С разделением на слова: *а замъке кълеа, двъри кълъя, господарь*. Слова *замъке, двъри* и *господарь* вам известны, они обозначены черным, а синим обозначено то, что как раз неизвестно.

Из зала: Келья?

А. А. Зализняк: Келья. Очень хорошо. Вы попадаете ровно в то, что было сделано в первый день по находке этой грамоты. Другое дело, что впоследствии эта версия не удержалась, но она, конечно, возникает первой, поэтому тут вы совершенно правы. Перевод этого места был именно такой, и он держался тоже 25 лет: «а замок кельи, двери кельи, господарь». Там есть текст и дальше — я его вам не цитирую, чтобы не

занимать лишнего времени; его примерный смысл: «господарь тяжбы не предпринимает».

Судя по остальному контексту, это явно было юридическое донесение, где в понятной части было сказано: «а накажи того обвинителя». То есть обвинитель солгал, а это, как известно, древними законами каралось сильно. В частности, по законам Хаммурапи, если некто обвинил другого в преступлении, которое наказывалось смертной казнью, и не доказал вины, то он сам подвергался казни. Так что это очень старый принцип в истории человечества. Обвинитель должен был отвечать за свое обвинение.

Итак, в грамоте явно речь шла о каком-то правонарушении.

И вот оказалось, что при понимании *кѣлеа* как «келья», хотя, повторяю, оно держалось как единственная версия долгие годы, в слове *кѣлеа* (которое, кстати, написано по-разному — одна буква не одинакова: *кѣлеа* и *кѣлѣа*) на пять букв приходится три ошибки. На самом деле, если бы *кѣлеа* значило «кельи» (родительный падеж), то должно было бы быть написано не *кѣлеа*, а *кельѣ*. Причем неважно, какой из вариантов выбрать: *кѣлеа* или *кѣлѣа*, — оба неверны. Получается, что в пятибуквенном слове — три ошибки. Что выглядит вопиюще на фоне остального текста грамоты, где нет ни одной ошибки, ни одной погрешности.

Это раз. А второе то, что про этот замок кельи и двери кельи ничего не сказано, сказуемого нет.

Из зала: А может, про это было написано раньше?

А. А. Зализняк: Хорошо, правильно. Но союз *а* всегда является началом фразы. Так что идея верная, но в данном случае не проходит.

Из зала: Это предположение... Но, может быть, некий человек по имени Келий...

А. А. Зализняк: Да, давайте-давайте!

Из зала: ... И был «замок Келия». Был некий Келий, и у него был замок и двери.

А. А. Зализняк: Молодцы, молодцы!

Из зала: Глагол *клеить* тут вообще никак не приклеивается?

А. А. Зализняк: *Клеить*? Ну, как же там появится *ть* между *к* и *л*? Нет, это невероятно. Буквы не те, которые ожидаются, окончание — не то, смысл — темный. Это то самое нагромождение натяжек, о котором я говорил и которое является признаком того, что что-то неверно прочитано.

Плюс к этому еще одна вещь. Вы этого можете не знать, но мы это, со своим опытом, знаем. Древнерусская фраза в 98% случаев строилась так, что каждая фраза начиналась с союза *а*, а здесь это только в первом случае. По древненовгородскому синтаксису тут самым настоятельным образом требуется второе *а*. И что тогда делать? Нет ли возможности это *а* откуда-нибудь взять?

Из зала: Это *а* в конце слова *кѣлеа*?

А. А. Зализняк: Совершенно верно! Идея состоит в том, что мы неправильно разделили текст на слова. Всё становится на место, если мы это *а* передвинем к следующему слову, точнее сочтем за отдельное слово. А что такое *кѣле*?

Из зала: Может ли это быть что-то целое? Замок целый, двери целые...

А. А. Зализняк: Правильно!!

Всё, очень хорошо. Вы не знали этой задачи?

Из зала: Нет, конечно.

А. А. Зализняк: Очень хорошо. Как только приходит идея, что это не *кѣл*, а *цѣл* — всё решается. И тогда совершенно понятно, почему надо наказывать обвинителя. Обвинитель, безусловно, составил донос о том, что где-то произошло ограбление. Из Новгорода был послан чиновник расследовать дело, и перед нами — его отчет, посланный начальству: он расследовал дело и обнаружил, что надо наказывать обвинителя. На самом деле — замок цел, и двери целы, и хозяин тяжбы не предпринимает. Так что осталось только наказывать обвинителя, составившего ложный донос о том, что был грабеж.

Из зала: А какое это время?

А. А. Зализняк: Это вторая четверть XI века. Я вам показал две самых ранних берестяных грамоты.

У нас нет времени, чтобы я вам рассказал, как много значит для истории русского языка, да и всех славянских языков, одно лишь это слово *кѣле*, повторенное, к тому же, в этой грамоте дважды. Именно оно впервые за всю историю славянского языкознания показало, что были такие славянские диалекты, где древнее *кѣл*- не перешло в *цѣл*-. Все историки языка знают, что наше слово *целый* происходит от корня *кѣл*-, который реконструировался чисто умственным путем, соответственно писался со звездочкой: *кѣл-. Но чтобы это *кѣл*- где бы то ни было сохранялось вживе — никто не только не подозревал, но стал бы с полной решительностью отрицать такую возможность. И вот нам выпала грамота, в которой случайно осталась та строка (верхние строки пропали, нижние строки пропали), где слово *кѣле* встречается, причем дважды — так сказать, чтобы у нас не было возможности подумать, что писец по сумасшествию вместо *ц* написал *к*.

Из зала: А почему по-разному написано?

А. А. Зализняк: Очень хорошо!

Из зала: Потому что замок и двери...

А. А. Зализняк: Ну, ну!..

Из зала: Потому что замок мужского рода, а дверь — женского.

А. А. Зализняк: Правильно! Не только женского рода, но еще и множественного числа. Абсолютно правильно! Если у вас осталась табличка, которую я вам показывал, то там вы увидите, что единственное число мужского рода в древненовгородском диалекте имеет окончание *-e*, а множественное число женского рода имеет окончание *-ь*. И всё абсолютно чисто сходится. Стопроцентно безупречная морфология.

А ЗАМЪКЕ КЪЛЄ, А ДВЪРИ КЪЛЪ, А ГОСПОДРЬ...

Всё. Вопросы?

Из зала: А бывали ли такие случаи, чтобы какой-нибудь человек упоминался в разных грамотах... Но не ранга князя...

А. А. Зализняк: Очень хороший вопрос! К счастью, мы смело можем ответить положительно. Так, чтобы два-три раза встречался один и тот же человек, — это было многократно. А рекордсмены у нас такие. Один человек, фигурирующий в разных ролях — то адресат, то автор, — встречается 17 раз. А один человек является автором 37 писем.

Из зала: Ого! Рекордсмен... А как же его зовут?

А. А. Зализняк: Того, который написал 37 писем, зовут Яким, а того, с кем связано 17 писем, — зовут Петрок.

Из зала: Яким и Петрок...

Е. И. Лебедева: Спасибо большое, Андрей Анатольевич!

(Аплодисменты)